

**О низкопоклонстве
перед капиталистическим Западом,
об Александре Веселовском,
о его последователях и о самом главном**

Предмет обсуждения

Среди вопросов, обсуждаемых сейчас литературной общественностью, одно из самых важных мест занимает вопрос о преодолении низкопоклонства перед капиталистическим Западом, свойственного некоторым отсталым представителям нашей интеллигентии.

Причины этого низкопоклонства установлены советской общественностью очень ясно: низвергнутые социалистической революцией господствующие классы и их идеологии, отражая отсталость старой, царской России и её зависимость от заграницы, вбивали в головы русских интеллигентов сознание второстепенности нашего исторического и культурного процесса, недополненности нашего народа и убеждение, что русские и тем более другие народы нашей страны должны играть роль «учеников» иностранных «учителей».

Постижение причин низкопоклонства как пережитка отжившего прошлого должно помочь за собой необходимые выводы и для литературоведения и для критики. Однако пережитки прошлого живущи, они не сходят со сцены без сопротивления, без борьбы. Это показывает спор, завязавшийся по поводу оценки концепции Александра Веселовского.

Как поставлен был вопрос в дискуссии? Что интересует советскую общественность? По сути дела, советскую общественность интересует не Веселовский сам по себе. Ведь никто не призывает не читать его книг, не пользоваться собранными им обширными материалами. Никто не возражает, как это пытаются кое-кто представить, против изучения международных связей, несомненно существующих между национальными литературами. Наоборот, марксизм сильней, чем Веселовский, неизмеримо более убедительно и на более глубоких

основаниях объяснил значение всеобщих закономерностей, управляющих исторической жизнью человечества, и значение связей, соединяющих культурную и не только культурную жизнь народов. К тому же давно установлено, что Веселовский был позитивистом и эмпириком. Почему же спор об Александре Веселовском вспыхнул с такой остротой сейчас, почти через полвека после его смерти? Почему не спорят о Буслаеве, или Афанасьеве, или Тихонравове, или Пыпине, или о ком-либо другом из крупных буржуазных литератороведов прошлого? Да потому, что факты преклонения перед капиталистическим Западом и недооценка значения русской литературы в сегодняшнем литературоведении связаны весьма заметно с некритическим или недостаточно критическим отношением к наследию Александра Веселовского, что именем Александра Веселовского пользуются для того, чтобы притупить революционную и социальную остроту наследия русской классической критики, и для того, чтобы мимикрию под марксизм выдать за подлинный марксизм.

Вопрос об оценке наследия Веселовского связан вместе с тем с вопросом об обучении новых литературоведческих и критических кадров, о последовательном и творческом усвоении ими марксистско-ленинского метода, без компромиссов, без притупления его воинствующей остроты.

Речь идёт не о прошлом, речь идёт о сегодняшнем дне. Сошлёмся на свидетельство В. Ф. Шишмарёва: «Мы оперируем зачастую готовыми мыслями и положениями, иногда даже совершенно не отдавая себе отчёта или забывая о том, что они ведут к Веселовскому. Они стали общим местом подобно тому, как общим местом, так сказать, становятся некоторые общепризнан-

Гар-Рис

ные приёмы техники любых метаморфоз — выразления того или иного писателя. Они перестали вызывать в нас представление об их авторе, и эта анимализация их — лучший признак их глубокого укоренения. Изучение этого явлени

к сожалению, не достаточно еще изучено. Выводы Нусинова мешают этому изучению. Они ведут к ограничению этого изучения, они умаляют мировое значение русского генезиса.

Не был «Ученый» Вильгельм Кюкота, «*Канон*» не нужна была бы простота. — Возражал Гёте в 1835 году о Гофмане и Тихе? О Гофмане — безошибочно, потому что в «Невской проспектке» Тихе сприложил, помогавший своему приятелю

Чем метод так называемой мифологической школы А. Веселовского, впрочем, национальной исключила славяно-филы, сильно подчеркивал наличие международных культурных связей. Однако

И. М. Пучкова иллюстрирует, как с её помощью «шумил и мирвада литература» лягушка в советском литературоиздании, ком- паративизм Веселовского выдаётся за мар- ганизм.

шренъ Вечеловским и то мы являемся, таким образом, его учениками или учениками его учеников».¹

рёва полностью обнажает случай с
И. М. Нусиновым. Пушкин задался целью
показать верхнее положение Пушкина в
мировой литературе, но так как он, подобно
Мельцерскому городу, заговорил проще
школьника Александра Веселовского, не пони-
мая, что он говорит этой прозой, то он и
попал не в ту комнату, в какую шёл.

легене о Щометее. Обработки Кальдерона, Гердера, Гете, Байрона, Шекспира и т. д.². Нусинов попытается развернуть подобные подборки о Дон-Кихофе, о Фаусте, о скромном в Кипре о Пушкине. Он полюбит к своей теме как компаньонист (то есть как стоячий устаревшей школы свидетеля) изучения литературы. Он не сумел показать приглушенности, ни независимости русского пения, а, наоборот, выдвинул его зависимость (будто бы зависимость) от чужих проблем, от чужого отношения к жизни. Нусинов совершенно неизбежно принадлежит к николопоклонническому вымысу, гласящему, что Запад не принял Пушкина, потому что не принял в нем ничего нового. Вывод этот неверен во всех отношениях. Пушкин сказал свое слово по сравнению с Западом, всемирное воздействие Пушкина, особенно на литературу славянских народов, велики, поднявшихся восточных народов, Франции и др. огромно, и,

Был ли Александр Веселовский компартистом и сторонником теории заимствования?

Думается, что сейчас нет способа избежать ложности показывать несостоятельность коммунистического метода писательства. Коммунистическая литература влечёт к изоляции литературного ряда, то есть к «чистому искусству», к формализму, с влиянием которых советской критике приходится бороться до сих пор.

¹ В. Ф. Шишмарёв «Александр Николаевич Бессетовский», «Известия АН СССР», Кн. 4-я, стр. 39. 1938.
² А. Н. Веселовский «Историческая поэтика», стр. 591. 1940.

тературные концепции, ведущие к патеко-
поклонству перед иностранным.

Товарищи Нусинов, Шипмарёв, Шкотов-
ский неожиданно поднялись до той поста-
ничи вопроса, которая приводит обсужде-
ние наследия Бесселовского большее обще-
ственное значение. Они неожиданно внести
свою лепту в преодоление низкопоклонства
перед буржуазным Западом. Они пытаются
ответить на вопрос о низкопоклонстве и
его классовые корни, и его политическое
значение. Они заняты интересами личными
или интересами цеха. Волнные строки
ответа Шипмарёва, посыпаные опен-
ке общего характера спора, звучат
простоironически. Между тем, если бы не
общее значение спора, он бы не привлек
внимания стольких людей, не перекинулся
бы из стена Союза писателей на страницы
печати, в вузовские и публичные аудитории. Вот
почему необходимо повысить некоторые ито-
ги спора о Бесселовском.

жено Владыческо-кудакиного права Гаусса реестр. С Тихом, этим праздным фантазёром у Гоголя еще меньше сходства. Но повествование для г. Шевырева заглавия «Фантастическая склад повесть» — и дело решено, подиажинии открыто. Удивительно! ¹ Чернышевский (несмотря на то, что он, как и Белинский, еще не совсем освободился от извешенной переоценки исторической роли Запада в восходящей к Петровой эпохе) не мог сопоставляться с изысканным литературным явлением из сферы породившей его жизни, не мог согласиться со свидетелем литературуведения и критики к лирическим аналогиям по сходству, превращению истории литературы в процесс простого заимствования образов и идей однажды писателя другим писателем. Чернышевский запитал национальное достоянство самостоенность русской литературы «пренебрежительного отношения к ней» с другой стороны «красного лжеплатитора», каким был Шевырев.

но читение Денполя и Мюнхта и наше Попытие. Наследие же Веселовского в целом даёт гораздо больше, и теория заимствования принимает у него совершенно иную форму.

Во-первых, об очень большом влиянии на Веселовского Бенфей говорит не только Киприоти, но и А. П. Соболевский, и А. Евлахов, и А. С. Архангельский и др. Во-вторых, сам Веселовский ограничивает свою зависимость от Бенфеи только в том смысле, что он обратил внимание на теорию заимствования и параллелей в книгах, написанных еще до появления бенфевской гипотезы. Историзм Веселовского никогда не выходит за пределы «суммы влиятельнейших и скрепленний», то есть николаевской эпохи. И это освобождало от решения для него компаративистского похода. «Историческая точка зрения была для него (Веселовского) представлена школой заимствования», — уверяет М. Е. Азаровский, в след за которым

Повсий компартиистом и заимствования?

Всёд за Белиским он утвердил в сознании русского общества понимание патриотического значения и национального величия творчества Гоголя.

Русская революционно-демократическая бритва с момента её возникновения обладала неизмеримо более совершенным и ярче глубоким методом, чем компаративизм. Однако в творческой и буржуазной науке XIX века компаративизм удержал свои позиции. Мало того: в буржуазной литературе иной науке второй половины XIX века благопаря трудам А. Веселовского компаративизм впервые приобрёл видимость систематической разработанного метода объективной доказательности. Компаративисты соч. Г. Чернышевский. Пол. собр. соч. Т. III. 1947. стр. 115.

торым Штимпке пытается ограничить роль Бендея в формировании метода Веселовского. Для разрешения спора, поднятого в теперешней дискуссии, Бендей, вообще говоря, имеет второстепенное значение, зато вопрос о том, был ли Веселовский сторонником теории заимствования и компаративистом, имеет значение первостепенное. Лишь поступление маистской критики заставило теперешних последователей Веселовского попытаться повернуть сомнительную тезис о компаративизме Веселовского. Их попытки определение метода Веселовского как компаративистского, основанного на дователь Фольклора. «Известия АН СССР», Отд. фил. наук, 1938, № 4 стр. 97.

1 В. Ф. Шишмарёв «Александр Николаев»

А Н колаевич Веселовский». «Известия АН СССР» № 1, 1932.

² А. Н. Веселовский «Историческая поэтика», стр. 591. 1940.

на теории замыкательства, не взыграло никаких сомнений и вошло в учебники. «Самым сильным представителем теории замыкательства в России был знаменитый учёный А. Н. Веселовский», — пишет Ю. М. Соколов¹. «А. Веселовский», — говорит Н. Б. Гудзин, — «стоял «на тонкое зерно» замыкательства»². Любопытно, что и сам Шинмарев до дискуссии также самим неловушеским образом, без всяких ограничивающих оговорок, писал о компаративистском характере метода Веселовского. «Основным методом изучения литературных фактов, по Веселовскому, — утверждал он, — должен являться метод сравнительный или сравнительно-исторический»³.

Однако Веселовской от других компаративистов Шинмарев видит в том, «что Веселовского интересовал менее вопрос «своё или чужое», сколько вопрос о том, как это чужое стало своим, вопрос исторического процесса освоения и пересмысливания» («Октябрь» № 12 за 1947 г.).

Оговорка Шинмарева не вносит ничего нового в утверждение в науке представление о Веселовском как о компаративисте. В. М. Истрин говорил об этом почти теми же словами в 1916 году. «Изследует ли он (Веселовский) чужой стих, — писал Истрин, — или пародию былину, или средневековое сказание, или легенду, — везде мы видим одну цель — восстановить и обяснить те пути, по которым шло то и другое и третье»⁴.

Пространение путей, по каким чужое становится своим, несколько не ослабляет представления о том, что «своё» является «чужим» и что для понимания «своего» его нужно сравнить с «чужим». Компаративизм Веселовского многое сложнее компаративизма менее одарённых представителей этого направления, но он от этого не перестаёт быть компаративизмом, а постоянно фиксируя внимание на том, как чужое стало своим, постоянная занятость вопросом «исторического процесса освоения и перевосмысления» чужого и везде прямёноюко к исполнению своего и переходе чужого и превращении его в «своё», переключая которого нам приходится бороться еще и сегодня.

Борис Шининцев утверждает, что видение Веселовского оказывается и на тех материалах, которые не связаны с его учеником. Более того, он считает, что даже вовсе не осознают своей зависимости от него, то он может иметь в виду только бесконечно расширявшуюся компаративистскую параллель. От Веселовского до начала работы В. Киргизского о Гете и Баухене в России, от Веселовского пошли также компаративистские сопоставления Лебедева Громсмана, и сплошь рассмотрения мышевистской литературы Пушкина, Чехова,

Компаративизм и низкопоклонство перед иностранной

методом, но, каким методом? — заявил Веселовскому, — утверждал он, — под-
зен являться метод сравнительный или
сравнительно-исторический».³

Отличие Веселовского от других ком-
паративистов Шипиларев видит в том, «что
Веселовского интересовал менее вопрос «свое или чужое», письем вопрос о том, как
это чужое стало своим, вопрос историче-
ского процесса освоения и переосмысле-
ния» (*«Октябрь»* № 12 за 1947 г.).

Оговорка Шипиларева не вносит ничего
нового в утверждение в науке представ-
ление о Веселовской как о компаративисте.

В. М. Истрии говорят об этом почти теми
же словами в 1916 году. «Наследует ли он
(Веселовский) духовой стих, — пишут
Истрии, — или пародную бытнику, или сред-
невековое сказание, или легенду. — везде мы
видим одну пель — восстановить и объяс-
нить те пути, по которым шло то и другое
и третье».⁴

Пространение путей, по которым чужое
становится своим, никак не ослабляет
представления о том, что «свое» является
«чужим». И что для понимания «своего»
его нужно сравнять с «чужим». Компарати-
визм Веселовского много сложнее компара-
тивизма. Менее однородных представителей
этого направления, но он от этого не пере-
стает быть компаративистом, а постоянное
фиксирование внимания на том, как чужое
стали своим, постоянная заинтересованность
исторического процесса освоения и пере-
осмысливания «чужого» и вело криминальному
изменению своего и переделке чужого и
привело к тому самому николоконству, с
перекатами которого нам приходится бор-
роться еще и сейчас.

П. А. и Т. А., и Т. Д. — письмо
Алексея Веселовского, «Вымысел»
лиссусии «почти случайно». Смысл этого
намека достаточно ясен. В. Шкловский
и не он один — пытается уверить читате-
лей и слушателей, что его оппоненты пере-
пустили двух братьев, принять Алексея за
Александра, и все то, что полагается полу-
чить Алексея, передавали Александру.
Кажется, что непригодность этого неизи-
ного призыва для защиты отсталых позиций
в литературоведении и единичные ясны та-
кже и его изобретателям. Что же касается
вопроса об умеистности привлечения к Вес-
еловскому, то в положительном ответе на
него не может быть никакого сомнения.
В. Шкловский забывает или хочет забыть,
что спор о Веселовском разгорялся не вна-
времени и пространства, а в связи с заложен-
ной идеей познания мира через капиталистиче-
ским Западом. В этой связи упомя-
нинание о патристично издавшей книгу
Алексея Веселовского никак не может быть
названо случайным. Алексей Веселовский
только сейчас, во времена лиссусии, стала
рассматриваться как величина миросоздани-
ческая. Сторонникам методологии Александра
Па Веселовского это стало необходимо для
того, чтобы лучше защитить свою позицию.
На самом деле, в старом буржуазном лире-
ратуроделии Алексей Веселовский зани-
мал довольно видное место; о нем очень
уважительно писали уже в наши, совет-
ские времена п. Сагулин, и Алексеев, и др.

Борисовского эндантину пушкина пушкинов

и П. А., и Т. А., и Т. Д.

В. Шкловский считает, что имя «Микро-
скопического бытца» «большого» Веселов-

1946 году, называет Алексея Бачеловского «блестящим заслугом», «исковерченным Мольером, биографом Байрона и автором Ентии «Этиоты и характеристики», которая «сама ли когта-никуль утратит своё и黨учье по бояре тою Куюзетное знамение».⁵ С мнением Алексея Вечетовского не только согласились, но и собирались спи-

и долгое время. Следовательно, прутуть критике его низкомыслическую книгу «Западное влияние в новой русской литературе» было необходимо, как неизменно было напоминать, что Алексей был и с Александром Веселовским не только дружескими, но и идеальными узами, — этого никак не скрыть, не затушевать.

Александр Достоевский или подиумист вистом, и именно благодаря его влиянию компартизм и теория заимствования получили столь сильное распространение в перевоплощении литературоведения, и именно благодаря его авторитету компартизм как метод исследования продолжает жить в трудах отдельных учёных по сегодняшний день.

Компаративизм и низкоклонство перед иностранной

В ходе дискуссии было доказано, что компаративизм и теория замыкания привели многих литераторов к умалению национального достоинства русской литературы и к низкоклонству перед капиталистическим Западом.

Теория замыкания, на которую опирается приоритетный стиль сильного распространения компаративизма, уже сама по себе теоретически порочна. Компаративисты выявляют литературные явления из породившей их социальной среды, рассматривая их вне зависимости от классовой борьбы, от национальных своеобразий и от экономических основ общин — между народами. Компаративисты всегда руководились предпосылкой, согласно которой русская литература заимствовала свои мотивы, сюжеты, формы из иностранных литератур. Они рассматривают русскую литературу только как замыкуюшую, а источники заимствования находили вне России, на Западе или на Востоке. А Веселовский не составляет в этом отношении исключения. Он превысительно расширил область и масштаб присоединений литературных фактов, он предъявил много русских и славянских фольклорных сюжетов и сказаний для в своем соотставлении и сравнения сказыванием фольклору и «неразвитой» славянской культуре второстепенное значение по сравнению с западным рыцарством и западным городским бытом «с их литературоведческими романами и фableми»¹.

Попытки защитников традиции Веселовского доказать, что теория замыкания сама по себе не ведёт к низкоклонству или что, во всяком случае, несёт компаративистами-литераторами и А. Веселовским нет никакой связи, не увенчались успехом.

И. Дмитраков и М. Кузнецов показали, как Веселовский привёл к уменьшению национального значения русских былин и «Слова о полку Игореве». Это вовсе не единич-

ные случаи. Соплёнся еще и на некоторые другие примеры.

Небольшая статья А. Веселовского «Сказка об Иване Грязном» называется иногда «Сказка из лучших его работ. В сказках этих, указывает Веселовский, Грозный — «есть, не народный герой, то странник народа», парь, который «против боярской измени»². В эти общие формулировки, неизменяющиеся, впрочем, исключительной принадлежностью Веселовского, а довольно широко распространённые среди прогрессивного крыла русских писателей и культурных деятелей, не следует вкладывать современной марксистско-ленинской оценки значения Грозного, с чем иногда приходится сталкиваться. А. Веселовский считал, что сказки об Иване Грязном идеализируют своего героя и если могут служить историческим материалом, то только в ограниченнейшей степени, отвечая не самой действительности, а народному представлению о ней. «Образ Ивана Грязного, обличающие симпатии к нему народа»³. Народ, по мнению Веселовского, оказался не в состоянии сохранить в своей памяти действительные события из истории Ивана Грязного и не мог выступить в качестве подлинного творца своего фольклора: народ лишь заимствовал и приспособлял для русских условий чужие сказки, меняя в них иноязычные имена на русские. Так, например, сказка «О паре Ивана и старце» является, по Веселовскому, одним из самых распространённых «знаточных» рассказов, встречающихся в русской притории к разным историческим эпохам (император Адриан, Тамрлан, германский Отто IV, Балгашитей и пр.), и с разной образной развязкой. Мы находили его в Талмуде и в турецкой народной книге: проще говоря, в похождениях Рафаэля из Кафенберга и в русских пародийных анекдотах⁴. Для

* А. Н. Веселовский. Собр. соч. Т. XVI, стр. 148. 1938.

¹ Там же, стр. 149.

² См. журнал «Сентябрь» № 12 за 1947 год

лит пробые «*en nique Chansons de festes*». Отдельные подборки сказок исследователей сопоставляются с Декамероном². В общем выявлено Веселовского отмечено психотомический текст, которым руководился пароль, в былинной

Рая, а не созлавая свои сказки о Грозном: «Существоование царя скажи об Иване Грозном одного и того же направления указывает... на известный тант руко-водили их выбором, откуда бы, впрочем, ни были заимствованы их материалы».³

Таким образом, даже столь драматиче-ская эпоха русской истории, как время Ивана Грозного, не могла, по Веселовскому, разбудить тверской самодельщности русского народа.

Наброски и подборки материалов «При-
тики сюжетов» не оставляют сомнений, что
Веселовский собирался строить и писать историю
зрелых литературы на основе теории замы-
слования и трактовки. «Чем сложнее скла-
дка, чем неотложнее последовательность, тем
более повторять о заимствовании». ⁴
Это положение Мажито, по Веселовскому,
расширять: чем сложнее жанр, чем разви-

тес литературное произведение, тем более
приходит иметь дело с заимствованиями;
для русских и славянских литератур это
обозначало, что они заимствовали, а не у-
тих заимствованы, что проявлялось в склони-
тии к ним, а не отправляясь в сюжеты
из других. По Всеславчому, Бога зам-
ствован, Полкан замстрован, «Былинный»
замстрованы, «Слово о полку Игореве»
замстровано, а сознательные и бессозна-
тельные сторонники его продолжили: пропага-
недения Пушкина, Лермонтова, Гоголя,
Тургенева, Достоевского и т. д., и т. д. за-
имствованы.

Слова между компаративистами или по
вопросу о том, у кого что замстровано —
Самый же факт замстрования не подверг-
гается оспариванию, основное мнение о не-
самостоятельности происхождения русских
памятников не вызывал у них никаких
разногласий.

Сколько бы добрых слов ни говорили
компаративисты о своей любви к родной
литературе, но в конечном итоге они

Веселовский и революционные демократы

Компаративизм и тесно связанный с ним
теории заимствования — отсталые теории
ведущие к познанию языка перед капита-
листическим Западом и вообще перед пло-

---

¹ А. Н. Веселовский. Собр. соч.
Т. XVI, стр. 154.
² Там же, стр. 159.
³ Там же, стр. 164.

страниной и к уничтожению русского языка
литературного и культурного прошлого.
Школа Веселовского разрушила окостеневшее
историческое свое учителя. Школа Веселов-
ского учила в узкую специализацию
людей крахобоярство. В то же время покончи-
ла Веселовского, чтобы отстоять основы
своего антимарксистского метода, создавши-

за границей представления о немецко-немецкой подражательной буржуазии и в ротной стране — о фольклоре и русской литературе, отразившей тем самым тяготы зрения старых послушников классов парской России. И. Дмитраков и М. Кузинцов весьма способствовали привлечь внимание А. Герни временно к русской литературе как на подражательном уровне. Он напечатал в трудах русских компартии выступов, при чём, следуя за школой заместителями, Герни не может скрыть, что ее пифос всё же производит курьёзное впечатление. Напомним слова Герни, приведённые в статье И. Дмитракова и М. Кузинцева: «Ни одна страна не обнаруживает такой курьёзной склонности к самоуничижению в своей критике. Словом, положение таково, что Россия не может назвать自己 свою собственность, потому что Скандинавия имела свои саги, Исландия — свои эльды, Германия — свою песню о Нибелунгах.

Однако достоверно известно, что немецкий фольклор и норвежская сага заместили русского Илью Муромца. Именно эта школа замещивания принимает очевидную формуность ранней русской литературы как некое мистическое посвящение божие⁵.

Мы не можем не упомянуть свидетельства Герни об источнике его взглядов. Помимо того, что он счастлив с ними, Русский народ не впитывает в «кульбэйтойской склонности к самоуничижению», как раньше русская литература не более ранних литераторов других народов.

Помимо падения на борьбу русская революция демократия, русский рабочий класс учтят и учат, что русский народ и его культура призваны к великой творческой роли в истории человечества. Русские помешаны и русские буржуазии подозрительны перед капиталистским Западом. Русский народ союз литеатуру, отказавшуюся громкое положительное воздействие на развитие литературы всех других народов, перед величием которой былужен склониться к Герни.

— бодрости, в литературе, в жизни.
Действие. Когда мы употребляем выражение «действия», мы имеем в виду не все поколение писательских голов, а более ограниченное крыло, сторонников Черткевича и Лобанова-Ростовского или сторонников Писарева, также действовавшего в тот же период.

Шестидесятник — это не консерватор, а либерал, а революционный демократ.

всех глазах легенду о тяжкую беседу с русской революционно-демократической критикой. Сам Веселовский назвался не пальмой себя послевателем «птицы племы» — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина. В своих работах он на них не отошелся и на них не ссыпалась, разрешая им, очевидно, председателем всей буржуазии научной, считавшей предшественников марксизма-ленинизма в России не учёными, не мыслителями, а только «критика-ми», журналистами, переписывавшими бумаги чистые мысли и твердившими бутро чужие залы. Думается, что нет наилучшего способа изображать многочисленные высказывания Пушкинского, Шиллера, Азодовского, Пушкинского, Н. Соколова и других, в которых показывается, что А. Веселовский сознательно под влиянием первых идей шестидесятых годов. Эти высказывания в памяти всех интересующихся проблемой, к тому же повторены и притом в самой категорической форме. Шилларев стал даже иронизировать по поводу того, что было объяснено, кто был Леонтьев, один из учителей Веселовского. Шилларев забыл только, что это он напомнил, что Веселовский «увёлесь лесными птицами», а теория заимствования вовсе исчезла от мирологической школы передового генерала от мировограда Естественно, что оппонентам Шилларева пришлось напомнить современному нам читателю, что представил собой Леонтьев,— только и всего.

и неистомичная жажда свободы. Письмо Юлия
Легене начнётся с Corso³. Corso (буриказ
или грават в Риме) для Речетовского —
символ будущего и бурлящей интеллигент-
ции, подобно тому как колпак для не-
го — символ письма. «Народ Corso — всё
это купцы, студенты, лекари, ремесленники
ки, всё среднее сословие Рима... это луч-

Богородском, отдельном «пестисцептическом» от других людей того же поколения, являлось отошение к материализму, к революции, к утопическому социализму. Помимо же, по какую сторону волода находился Веселовский.

В качестве основных документов, доказывающих «пестисцептическость» Веселовского, приводятся обыкновенно его юношеский дневник, его автобиография и написанный им некролог Пынина. Что же говорят все эти документы? На какие классы ориентировался Веселовский: на разноминную демократию, на крестьянство, как писавшие пестисцептики, или на какую-либо иную социальную группу? Записи в дневнике позволяют совершенно точно ответить на этот вопрос. В 1859 году в Мадриде, где он был домашним учителем в семье русского посла, А. Веселовский записал в дневник следующую тираду: «В Мадриде нет того перекличного кружка, который бы состоял посередине между аристократией и промышленной буржуазией, и между тем более держится последней, и все интересы ее отдают науке, нет литературных вечеров, обществ»². Веселовский не сочтывает певчих и актеров. Его интересы приобретают научный характер, и он сориентируется на интеллигентию, отдающую свои симпатии буржуазии.

В 1861 году, то есть в самый разгар великопольского потрясения пестисцептических горлов А. Веселовский был в Италии. Он наблюдал движение за объединение Италии, за включение папской области вместе с Римом в состав единого государства. Итальянское публистичество пестисцептических горлов. Какие мысли возникают в его голове при общественной борьбе в Италии? Были ли эти мысли пестисцептическими, сторонника Чарльза Лебрена и Добролюбова? Ни в каком случае не было. Это были мысли человека, не доверяющего нарву, предлагающего ориентироваться на буржуазию и буржуазную интеллигенцию и готового на компромиссы вправо. «Римское движение, — пишет он, —

6

ЕСТЬ-НИБУДЬ станет говорить, что о потребности в сих и чувствах русского пристоюжина, живущего теперь, мы не в силах судить, пока не изучим старинные рукописи и не вызубим немецкую грамматику Гrimma с прибавлением исландской Эдды и санскрита.

ского санатория — и если этого человека, буде-
дет доказывать, что по недостаточной раз-
работке этих предметов у нас мы не можем
заботиться о простолюдине с пользою для
него, — затруднился бы г. Дудышкин похо-
хотать над таким вздором?

Больше я ничего не скажу. Г. Дудышкин

Пимарев совершил произвольно ставит поясняющее слово «класс» или «классический» там, где у Бестовского сказалась «группа» или «исторический»². Бестовский не употреблял этих терминов, не поднимая их значения и, естественно, никогда не прибегал к классовому анализу.

отдела «*Отечественных записок*» очень сильно должно измениться, если эти вопросы¹ сильно покажутся ему затруднительными». Пулькин, конечно, не думал изменять направление своего журнала, как никто из его сотрудников не подумал поддержать Чернышевского.

чивались повторением азов о зависимости литературы от общества и от «помыслов». «Печьба» — слово, которое, кстати сказать, сложилось по всем плачам Страхов, А. Григорьев и братья Достоевские, наполнив его меньшим конкретным материалом, чеммы Шипиларев и даже сам А. Веселовский. «Современник» высмеивал «почвенников» за бедность и абстрактность их представлений о народе и народной жизни.

Чернышевский и Добролюбов двигались в своём умственном развитии по направлению к марксизму. Их произведения были не только доверием и любовью к народу, но и к «духом классовой борьбы» (слова Ленина). Соответственно этому их представления о литературе содержат в себе злорвые жизнеспособные элементы классовой характеристики литературных произведений, поэзий художников и роли искусства в борьбе общественных направлений.

Салтыков-Щедрин о компаративистах

Точно так же и русские революционные демократы никогда не признали А. Веселовского ложного союзника. Салтыков-Шедрин в «Неве нике» провинилял в Петербурге», написанном в 1872 году, панье один из своих самых грозных ударов по российскому либерализму. Несколько возвратившую в это время свою роль либерализма великий сатирик объяснял «оскудение» общественной мысли явившимся результатом реакции П. Чхеидзе, со стенами Дворцового и Чернышевского, Либеральное «оскудение» давало себя знать и в обществе, и в журналистике, и в науке. Либералы представлены в книге Шедрина

на в виде сатирического «Вольного союза пенкодимматей». Главным органом «Союза» выбрана газета «Старейшая российская пенкодиммательница», под которой подразумевалась «С.-П. Ведомости», редактором которой являлся Егор Степанович Щербина, позже получивший прозвище «Бесславийский, зоркий глаз Щербины». Участие в коммюницизме, начинавшемся после появления 60-х годов в ходить из признаков империи писателям, один из которых, Илья Бернштам, выразил в своем романе «Улице Волгоградской» погоня за счастьем, уходя ее от борьбы за счастье масс и будущее человечества в сфере «малых дел». В сатирическом романе «Улице Волгоградской» пенкодимматей Тэйлор Шеррии пишет:

В. Кирмутский, В. Шимарев, В. Шелковников и другие стали в последнее десятилетие сближать эстетическое учение А. Веселовского с эстетическим учением Чехова и Добролюбова. О незакономерности этого сближения достаточно — в прелестах журнальной статьи — сказано в статье Н. Глаголева.

не падавший во имя принципов самодержавия
отдельных лиц, он вышел на сцену В. В.
Стачек как актера компаративистского со-
чтения «Происхождение русских былин»,
в котором отразилась их национальная
и самостоятельность, и А. Н. Бестужевского,
диссертация которого «Славянские сказа-
ния о Соломоне и Египетской и западные
легенды о Морольфе и Мериле» вышла в
статьях цикла «Дневника провинциала в Петер-
бурге».

Стасов-компаративист вывел в книге

ся; ему почему-то ужасно хотелось, чтобы они были напами, и в то же время в души уже запалязывали какие-то скверные сомнения. Но Неуважай-Борько с суровою несправедливостью поклонил конем колеблющимися кин в своем случае не достойным науки».

— Напротив того, — оттолыпал он совершенно ясно, — я положительно утверждал что и Добрый и Илья Муромец — все эти были не более как сподвижники латышанина Банута!

— Но Владимир Красное Солнышко?

— Он-то самый Банут и есть!

В группе раздался общий вздох. Совсем

жесточить или почти отождествить национальное движение Бесселовского с наследием революционных демократов, не замечают, что эти самые демократы назывались революционно-демократическими или почти революционно-демократическими концепциями о зависимости литературы от общества развивались ими в странах «Отечественных записок» и «С.-П. Ведомостей», признанных органов умеренного либерализма, великих упорную и не всегда платную борьбу с «Современником». Видимо, А. Бесселовского вполне соглашали с национальным правлением тех органов, в которых он печата

«Чижик! Чижик! где ты был? — перед судом здравой критики» — это сатирическое обобщение компартийских разысканий, «куполисты-мечтатели», ставившие перед обществом широкие задачи, — это прежде всего партия русских революционных демократов, систематически атакуемых либералами, в том числе и «Отечественными записками» и «С.-П. Ветомовыми», как беспощадные мечтатели.

Чурилка, был и не кто иной, как польский дворянин VII столетия. Я, батюшко, полагаю, Европы изгнан, погуда, наконец, в королевской монахской библиотеке нашел рукопись, относящуюся к VII столетию. Помимо назиданием: «Поклонения знаменитого доблестного польского дворянина Чуриля...» Бах! да это папа Чурилка! сейчас же бесстыднула у меня мысль... И, поверите ли, я целиком ночь после этого был в брезу!

— Понятное дело. Но Лобрынях...

Илья Муромец... гель они папи?

Собеседник, произнеся: «они наши?» —

Хорош пленкохимикатель-простец. Но
честный пленкохимикатель еще того лучше.
Появление сих последних на арене написано
литературы есть признак убийственного и,
какое-то время, даже здорового. Нора, наконец,
учимся убедиться, что наше время — не время
наших задач, и что тот, кто, подобно
автору почтенного рассказа: «Русский
роман: Чижик! чижик! где ты был? —
перев столом задавой критики» сумел прите-
ти к разрешению своей скромной задачи —
тот сделал гораздо более, нежели все сово-
бодно взятые уточисты-мечтатели, ко-
торые постановкой «широких» задач само-

— Так вы показали, что
шила речь в одной группе.
Центром этой группы были Пензакай-
Борю. Это был сухой и длинный человек,
с длинными руками и длинным же носом.
Мне показалось, что передо мною стоят
громадных размеров ягель, который двигает
носом в дерево и постепенно приходит в де-
ревянный экстаз от звуков собственного го-
лодления. «Та, этот человек, если примет
ся снимать панки, он сделает это... чи-
сто!» — думалось мне, покуда я разгляды-
вал его.

— Не только полагаю, но совершили
определено утверждают, — объясняли между

---

¹ Н. Г. Ч е р н и ш е в с к и й . Собр. соч.

2 СМ «СИТИЗОН» № 12 за 1917 год

4 Точно так же, как мы видели, писал об итальянском простодламе и А. Беселовский — в тех же «С.П. Ведомостях».

жизнительное творчество, то есть созида¹ние нового, а только «отмирание личного поэта в традиционных типических стоках»². Курсив здесь означает: его **творчество**³. Курсив здесь означает только условность термина, бесслие поэта быть подлинным новатором.

Количественные комбинации, арифметическое сложение элементов — образуют ли они и объясняют ли они историю? Конечно, нет, должны мы ответить, и всякий иной ответ может явиться лишь результатом на-

силственной идеализации ясных и точных выказываний Веселовского.

Таким насилием, конечно, не являются инициативы и деятельность Шиппмарэя. Он пишет, записывает свои поис-

ки и позиции своего устаревшего направ- ления:

«Вся работа Веселовского сводилась, в

сущности, к установлению приоритета, путей, по которым чужое перерабатывалось в своё

или старое обновлялось, то есть к установ- лению тех **качественных изменений**, кото- рые процесс освещения вносили в освещаемое.

Момент **количественный** не характерен, побо-

дь параллелизм в движении культур сопровож-

дается необходимым перекрещиванием па-

раллельных линий. Империализм — есте-

ственное проявление капитализма, когда-то Рос- сия училась у Европы. Теперь Европа и Амери- ка учается многому у нас. Важен и харак-

тересный момент качественный, то есть иди-

видуализация всех этих скрепений, вза- имообъединений и т. п., образование так на-

зываемых национальных культур, литерату-

ртур и языков, этих ручьёв, которые когда-

нибудь сольются в едином море человечес-

тва.

Если прибегнуть к графическому изобра-

жению движения, то, по Веселовскому, оно

вырисуется перед нами не в виде круга, а в

виде спирали» (*«Октябрь»*, № 12 за

1947 год).

Это удивительное расщуждение, проин-

травленное желаниям прятать наследство Весе- ловского архивовременного виду (*«попросту говорят, подкрасить его под марксизм*), по-

зволяет проникнуть в самую суть теории Весе- ловского. Итак, по Шиппмареву, перво-

бочка чужого и обновление старого, процесс освещения чужой или своей старины,

равноначен диалектическому процессу возникновения новых качеств. Образо-

вание качественно нового предполагает

момент скачка, переворота, постепенно-

сти, в истории классовых обществ —

революции, Шиппмарев пишет, что мог бы-

чтать у Веселовского учения о диалек-

тическом скачке, поэтому он «параллелизм» в

личностными изменениями, а «момент «пере-

погибели» — с качественными. Пови- димому, он предполагает, что импери-

ализм, побо́льше пристрастием покорных учё-

ков, революционным демократом и пре-

зидентами подымавшихся революционных

силами, должно подтвердить, незави-

смо же теоретических построений Веселов-

ского. Во всяком случае, если рассуждени-

ем классовой борьбы, о соединении нацио-

нальных и мирового рынков и о перворас-

титии капитализма в империализм. Здесь не

время и не место для лекций по политите-

ческой экономики, мы дискутируем вопрос

известного Шиппмарёва представления о том,

что империализм — естественный этап капи-

таллизма, а вот в этом отношении тире-

тическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарёва предстаёт весьма опреде-

лённой добродушной ингересом, ибо она

в очень консервативной форме показы-

вает, что некритическое или недостаточно

критическое отношение к наследию Алексея

Шиппмарё

о словаре типических схем и положений, которым фантазия писателя обращается для выражения того или иного содержания».¹ «Историческая поэтика, — подводит итогом своим рассуждением Шильмарёв, — оказывается, таким образом, поэтикой традиции». С этой точки зрения следует понимать ту формулировку заты поэтики, которую даёт Веселовский в своей «Поэтике сюжетов», а именно: «отвлечённые роли и гранцы привнесённых в процесс личного творчества».²

Десять лет тому назад Шильмарёв не занимался так настойчиво «делими при первом матризме». Тогда он доказывал, что историческая поэтика Веселовского была поэтикой прелания. Сейчас, когда «делимы» при помощи матризма» приворела Лия Петро Некрасовну актуальность, он стал доказывать прямо противоположное тому, что он писал в 1938 году. Прав он был, однако, тогда, десять лет тому назад.

Преждевсание о «развитии» как о бруненном о множестве повторяющихся друг друга кругов привело к теории последовательной стадии Веселовского к теории так называемой стадиальности (имеется в виду теория стадийности в области литературоведения и искусствознания, в компаративистском понимании термина), согласно которой литературные явления рассматриваются независимо от их происхождения, от исторической обстановки, от хронологии и места возникновения, лишь по аналогии друг к другу. «В своей «Исторической поэтике», — пишет В. Димитровский, — Веселовский прибегает к широчайшему сопоставлению и сравниванию аналогичных литературных явлений у разных народов и в разные хронологические периоды, явлений, хотя они не связанных между собой посторонней генетической зависимостью, но относящихся к одинаковым стадиям общественного развития... Такие сопоставления заключаются и допускаются только в том случае, если рассматривать все эти явления, независимо от их происхождения, географического и хронологического приурочения, как равноправные в отношении стадиальности с точки зрения единства и закономерности литературного развития, так и всего общественного процесса в целом».³

Сторонники теории стадийного сопоставления развитых литератур ищут аналогичного места для литературных памятников различных наций и даже различных эпох на параллельных друг другу, повторяющихся друг друга кругах развития. Стадии

ДАЛЕЛИЗМ КРУГОВ, ПОВТОРЕНИЕ по ЖАНРИ — это не
только кругом, но без замкнутости. Понятие
стадиальности покоятся на формальной, в че-
мпионатической логике. Оно исключает
представление о реальной закономерности
всемирной истории, основанной на действи-
тельных экономических, политических и
культурных закономерностях и связях на-
родов.

Литературоведы-компаративисты, исполь-
зуя абстрактно-метафизические понятия ста-
диальности, ведут свою рассуждения вне
времени и пространства. Стадиальность в
компаративистической литературе не
превращается в механический приём, спо-
собный быть объяснить литературные
явление вне исторического их рассмотрения.

Учение о стадиальном развитии и
компаративистическая литературоведение
фаталистично и пессимистично. Оно сно-
дит всё к многократным повторениям и
погону не в силах остановить реального
поступательного движения человечества,
приводящего к новым социальным форма-
циям и новому культурному творчеству,
не в силах обуздать своеобразия развития
по странам и народам.

Ещё хорошо, что теория, которой при-
держиваются некоторые наши советские
литературоведы, послужившая Веселовско-
го, и которую они именуют теорией стади-
ального развития, не получила у них
законченной формы, но преувеличена, об-
её опасности мы должны, тем более, что
в преподавании она проводится более на-
стойчиво, чем в статьях и книгах. Прежу-
щим летом тут должно послужить и то,
что в наиболее заключенной и разработан-
ной форме теория стадиального развития
была дана Освальдом Шпенцлером, соста-
вившим даже специальные таблицы
условно «одновременных», то есть стади-
альных, по терминологии Жирарусского и
Шимарра, этапов искусства.

Пут же следовало бы разобрать статью
В. Шкловского «О А. Веселовском — кри-
тике и теории», также написанную с
целью обличить Веселовского с современ-
ним марксистским литературоведением.
Однако для этого нет ни места, ни време-
ни. Да в этом нет и особой необходимости.
Статья В. Шкловского — образец теоре-
тического язвогласия. Его левая рука не
знает, что пишет его правая рука. Поэтому
мы втройствали половины статьи Шкловского
и поблагодарили её первую половину. Всякий
здравомыслящий читатель увидит, что
аргументы Шкловского против позиций
сторонников Веселовского много сильнее,
чем его аргументы в их пользу.

Путь эпилогиста ведёт от Веселовского
к историческому фатализму, со всеми его

«Чистая наука» или вторжение науки в жизнь

Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии», — что Маркс и Энгельс создали новую философию, качественно отличающуюся от всех предыдущих, хотя бы и прогрессивных, философских систем. Об отношении марксовой философии ко всем предшествующим и к перевороте, который произвёл марксизм в философии, превратив её в науку, известно каждому. Тем более странно, что автор констатирует своё внимание не на том, что является новым и революционным в марксизме по сравнению с предыдущими философскими системами, а на том, что «состиняет его с развитием марксовой философии»².

Эти слова могут и должны быть обращены во всей их силе по адресу всех who лютых коммунятивизма, по адресу всех тех, кто хочет превратить борьбу с никогдаюностью перед капиталистической Западом в антилогию буржуазных композитов Александра Веселовского.

